

Немецкая философия в Испании XIX столетия

ВОСПРИЯТИЕ, ПЕРЕВОД И ЦЕНзуРА НА ПРИМЕРЕ ИММАНуИЛА КАНТА¹

ИБОН УРИБАРРИ

1799 ГОДУ из Парижа в Испанию приехал и прожил в Мадриде несколько месяцев Вильгельм фон Гумбольдт. В Париже он представил французской культурной элите новую кантианскую философию, а теперь продолжал распространять философию Канта в Мадриде. 28 ноября 1799 года, восхищенный тем, что имя Канта дошло даже до Мадрида, он писал Гете: «Уже и в Мадриде известно, по крайней мере, его имя»².

Столетие спустя, в 1896 году, Винсент Лютославский, молодой польский дипломат и философ, женатый на Софии Перес Казанова и хорошо знакомый с Испанией, опубликовал в первом номере журнала *Kant-Studien* статью «Кант в Испании». В ней он описывает свои встречи с ведущими испанскими интеллектуалами и обсуждения с ними восприятия Канта в Испании. Его вывод ошеломляюще негативен: «Кант совершенно неизвестен в Испании»³.

За время, прошедшее между положительным удивлением Гумбольдта в 1799 и разочарованием Лютославского в 1896 годах, Испания пережила период переворотов. Большую часть века заняла череда усилий по проведению в жизнь идей либеральной конституции 1812 года и консервативных контрмер сорвать

1. Перевод выполнен по изданию: © Uribarri I. *German Philosophy in nineteenth-century Spain: Reception, Translation and Censorship in the Case of Immanuel Kant*// *The Power of the Pen: Translation and Censorship in Nineteenth-Century Europe*/Merkle D., O'Sullivan C., Van Doorslaer L., Wolf M. (Eds.). Münster: LIT Verlag, 2010. P. 79–95.

2. *Von Humboldt W. Briefe*. München: Carl Hanser, 1952. S. 200.

3. *Lutoslawski W. Kant in Spanien*// *Kant-Studien*. 1896. №1. S. 218.

этот процесс. Этот конфликт проявился в частых политических переменах и трех гражданских войнах. Несмотря на столь тяжелую обстановку, идеи Иммануила Канта доходили до Испании, и пик этого процесса пришелся на первое неполное издание главного труда Канта «Критика чистого разума», переведенного Хосе Перохо в 1883 году⁴. Тем не менее в 1896 году местные собеседники Лютославского говорили ему, что Кант в Испании неизвестен. Давайте разберемся в причинах этого.

В начале XIX века безграмотность в Испании цвела пышным цветом, образование находилось в руках церкви, и культура научной мысли была весьма скудной. Введение и употребление иностранных книг все еще контролировалось двухуровневой сетью цензуры, имеющей долгую историю: начиная с 1478 года инквизиция контролировала всю печатную продукцию, а с 1502-го ни одна книга не могла попасть в обращение, не получив от государства разрешения на печатание.

По своим истокам инквизиция имела целью сдерживание религиозной ереси и в особенности интересовалась евреями и мусульманами, обратившимися в христианство, поскольку после того, как в 1492 году обращение стало для них единственной альтернативой изгнанию.

Деятельность инквизиции затем стремительно сосредоточилась на надзоре за протестантскими и гуманистскими идеями. С этой целью испанская церковь выпустила несколько индексов запрещенных книг (в 1551, 1583, 1612, 1632, 1640, 1707, 1747 и 1790 годах). Эта ситуация препятствовала проникновению в Испанию современной научной мысли, что отчасти объясняет испанскую отсталость в последующие века: классические авторы, подобные Гиппократу, Галену, Аристотелю, Птоломею, Евклиду и Архимеду, были запрещены, а с ними и современные гуманисты (как Эразм) и ученые (Кеплер, Браге, Непер и другие). Действительно, в то самое время, когда научная революция достигла своего максимума, значительная часть европейской научной литературы была под запретом. В дополнение к каталогам выходили особые эдикты цензуры, обыскивались книжные лавки, государством и церковью контролировались порты и границы, регулярно сжигались арестованные книги, а наказание за владение запрещенными книгами включало смертную казнь. Во второй половине XVIII века были запрещены системы естественного права Пуфендорфа и Вольфа, а труды более современных авторов вроде Руссо, Вольтера или Локка подвергнуты пре-

4. *Kant I. Critica de la razon pura. Texto de las dos ediciones. Precedida de la Vida de Kant y de la Historia de los origenes de la filosofia critica de Kuno Fischer/J. del Perojo (Trans.). Madrid: Gaspar, 1883.*

следованию. Например, за перевод и распространение идей Руссо был заключен в тюрьму Валентин де Форонда. Борясь с духом Французской революции, Карл IV отказался от реформистской политики Карла III, и испанские власти создали так называемый *cordón sanitario* (санитарный кордон), государство идеологического карантина, в котором разговоры о французских событиях были запрещены, иностранцы подвергались регистрации, а некоторые даже изгонялись из страны, иммиграционный надзор был ужесточен, запрещено обучение за границей, ограничено изучение иностранных языков, а печатные издания проверялись и цензурировались государством и церковью. Инквизиция снова стала пользоваться дурной славой в борьбе против современных просвещенных и революционных идей, которые могли бы создать проблемы как для государства, так и для церкви.

Это отражено в каталоге запрещенных книг 1805 года, который включает имена Монтескье, Гельвеция, Гольбаха, Руссо, Кондильяка, Дидро, Адама Смита и Дэвида Юма. Подпал под запрет и Кант, так как свой главный труд он преподносил в качестве переворота (*Umwälzung*), сравнимого с коперниканским⁵. Его новая критическая философия, фокусирующаяся на активной позиции субъекта, критике метафизики и теологии, изменила лицо философии. Неудивительно поэтому, что уже при жизни Кант был подвергнут цензуре, в том числе и в Германии: его главный труд был запрещен несколькими университетами (Марбург, Вена), в 1788 году иезуитский священник Бенедикт Штаттлер написал книгу, названную «Анти-Кант»⁶ (за ним последовали сходные сочинения и других католических священников), его позднейший большой труд о религии столкнулся с проблемами опубликования в 1792 году, и наконец, поскольку Кант настаивал, в 1794 году император Фридрих Вильгельм II запретил ему читать лекции о религии.

Конечно, культурный барьер, установленный испанской инквизицией, не был непроницаемым. Первое упоминание *Мануэля* (так переводилось экзотическое «Иммануил») Канта в Испании мы обнаруживаем в самом начале XIX века. Оно исходит из французского источника в форме краткого пересказа в 1803 году в журнале *Memorial literario* доклада о философских достоинствах Канта, сделанного Дестютом де Траси во Французской академии в Париже⁷.

5. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Riga: J. F. Hartknoch, 1781–1787. Bd. XVI.

6. Stattler B. Anti-Kant. Munich: Joseph Lentner, 1788.

7. Anonymous. Literatura francesa. Instituto nacional de Francia, Noticia de los trabajos de la clase de ciencias morales y politicas// Memorial literario o biblioteca

Наполеоновское вторжение 1808 года и подавление инквизиции упразднило идеологическое эмбарго, блокировавшее проникновение в Испанию более свободного мышления. Действительно, первые французские книги о Канте занесли в Испанию французские войска (см. ниже о Торибио Нуньесе). Позднее, в 1813 году испанский парламент Кадиса объявил инквизицию несовместимой с новой либеральной конституцией. Однако после войны за независимость (1808–1814) Фердинанд VII вернулся в Испанию, упразднил либеральную конституцию и восстановил абсолютизм. Конечно, государственная цензура и инквизиция опять были учреждены с явным назначением ликвидировать то, в чем виделась либеральная угроза.

Тем не менее в первой трети XIX века существуют две основные метатекстуальные отсылки к философии Канта. Они представляют собой частные усилия с небольшим культурным влиянием. Доминирующая философия в испанских школах и официальных книгах не отличалась от так называемой *philosophia perennis*, средневековой схоластической философии. Первый испанский комментарий на философию Канта был написан Рамоном де ла Сагрой в 1819 в журнале *Crónica Científica y Literaria*⁸. Примерно в то же время он начал выпускать либеральный журнал *El Conservador*, у которого из-за его рационалистического содержания возникли проблемы с инквизиционным цензором («консервативное» название, выбранное де ла Сагрой для журнала, цензоров не обмануло). Позже, в 1845 году, он основал первый анархистский журнал в Испании *El Porvenir*. В течение нескольких сроков де ла Сагра являлся членом испанского парламента и написал много научных, экономических и социологических статей на испанском и французском языках. Впрочем, работы де ла Сагры и его старания занести в Испанию новые европейские идеи остались по большей части неизвестны в Испании из-за их прогрессивной ориентации.

Одна конкретная черта интереса Рамона де ла Сагры к Канту имеет особенную значимость: он обратил внимание на употребляемый Кантом новаторский язык, который и в Пруссии стал также предметом спора, и упомянул проблемы, поставленные переводом этого языка (например, понятия «Я»), поскольку современный испанский философский язык был еще не вполне развит. Де ла Сагра очень хорошо сознавал тот факт, что испанский язык, для того чтобы выразить современный философ-

periódica de los ciencias y de las artes. Book IV. 3 year. Madrid: Imprenta de la calle de capellanes, 1803.

8. *De la Sagra R.* Discurso sobre la filosofía de Kant// *Crónica Científica y Literaria*. 1819. № 226, 227, 228, 229.

ский дискурс, нуждается в фундаментальном обновлении. Несколько лет спустя противоположная установка была выражена в статье, написанной Наварро Виллосладой, который утверждал, что испанский язык превосходит прочие языки, потому что он теснейшим образом соединен с католической верой. Наварро Виллослада также ссылаясь на местоимение «Я», используемое в современной философии Кантом. Впрочем, он утверждал, что новизны в этом не было, так как двумя веками ранее испанские писатели уже употребляли это местоимение в смиренной и правдивой манере, не прибегая к жалким методам современных зарубежных рационалистических философий⁹.

Это заставляет вспомнить оруэлловский «идеологический перевод»¹⁰ старояза на новояз, чьей целью было «сузить горизонты мысли» и «сделать мыслепреступление попросту невозможным — для него не останется слов»¹¹. Или, применительно к нашему случаю, де ла Сагра посредством работ Канта пытался ввести новые слова, новые понятия и новое мировоззрение в испанский язык, в то время как Наварро Виллослада стремился обезвредить эти антирелигиозные и ксенофильные нововведения, придерживаясь более ограниченного «старояза».

Вторым ранним испанским «кантианцем» являлся Торибио Нуньес, также либеральный реформист. Он был библиотекарем в университете Саламанки и членом парламента. Около 1820 года он написал две книги, предлагая кантианские и бентамовские (он перевел несколько книг Иеремии Бентама) идеи в качестве основы для реформирования испанских институтов¹². Им была предложена реформа образовательной системы, которая стоила ему места, когда вернулся король Фердинанд VII и краткий либеральный период закончился. Нуньес не читал Канта ни на немецком, ни даже на французском языке. С Кантом его познакомили французские сочинения об этом философе, к которым у него был доступ, когда наполеоновская армия пересекала Саламанку на своем пути в Португалию, — в особенности работа Шарля Вилера «Философия Канта, или Основопо-

9. *Navarro Villoslada F.* De la lengua castellans, como prueba de la ilustración española// El pensamiento español. 1867. T. I. № 11. P. 161–166. URL: <http://www.filosofia.org/hem/186/1867c23.htm>.

10. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет/Пер. с англ. В. П. Голышев. М.: Прогресс, 1989. С. 121.

11. Там же. С. 21.

12. *Núñez T.* Informe de la Universidad de Salamanca sobre Plan de Estudios, o sobre su Fundación, altura y decadencia, y sobre las mejoras de que es susceptible: con cuyo motivo presenta un Proyecto de Ley sobre Instrucción Pública. Salamanca: Vicente Blanco, 1820.

ложения трансцендентальной философии» (1801), запрещенная декретом Ватикана 1817 года.

Инквизиция окончательно исчезла в 1834-м, преимущественно от того, что ее главная цель больше не заключалась в контроле за религиозной гетеродоксией, а сводилась к тому, чтобы контролировать идеологические отклонения, — задача, с усердием взятая на себя гражданскими властями и полицией. Хотя в принципе свобода слова существовала, любая критика монархии, религии и добрых нравов систематически блокировалась множеством предписаний предварительной цензуры. Один из наиболее характерных писателей того времени, Мариано Хосе Ларра (1809–1837), постоянно подвергался цензуре, и борьба с ней многократно упоминается в его статьях.

Католическая церковь оставалась единственной законной религией в Испании и продолжала пополнять *Index Librorum Prohibitorum* (Индекс запрещенных книг), который прослужил в качестве цензорского справочника вплоть до времен Франко. Например, главный труд Канта, «Критика чистого разума» (1781/1787), поносимый в религиозных кругах как «яд»¹³, был запрещен декретом Ватикана от 11 июня 1827 года (труд уже был переведен в 1796 на латынь Фридрихом Готтлобом Борном, а в 1820–1822 на итальянский Винченцо Мантовани) и оставался в списке до 1966 года, пока Индекс постепенно не утратил силу.

Ближе ко второй половине XIX века, Кант был упомянут в нескольких испанских книгах по истории философии в 1847 году, причем его антиметафизическая и агностическая мысль подверглась единодушному осуждению. Католический священник Хауме Балмес, наиболее влиятельный испанский философ того столетия, считал идеи Канта скептическими и материалистическими¹⁴, и это отношение сопровождало восприятие Канта в Испании до конца века.

Кроме того, существует два текста, написанных в 1853 году, которые ссылаются на Канта, хотя они и различны по масштабу. Патрицио де Аскарате, первый переводчик Платона, Аристотеля и Лейбница на испанский, написал книгу по современной философии *Veladas sobre la filosofía moderna* («Вечера на тему современной философии»), потому что не мог найти подходящей книги для обучения своего сына этому предмету. Религиозный человек, при этом благоволивший также и научному прогрессу,

13. Göbel C. Kants Gift. Wie die Kritik der reinen Vernunft auf den Index Librorum Prohibitorum kam// Kant und der Katholizismus. Stationen einer Wechselhaften Geschichte/N. Fischer (Ed.). Freiburg: Herder, 2005. S. 91–138.

14. Balmes J. Historia de la Filosofía. Madrid: Impr. y Fund. de E. Aguado, 1847.

он хотел объединить веру и либерализм и в соприкосновении с новыми европейскими тенденциями создать современную испанскую философию. Он дал наиболее объемлющее на тот момент представление о философии Канта. В том же самом году Никомедес Мартин Матеос опубликовал *Breves consideraciones sobre la reforma de la Filosofía* («Краткие заметки о реформе философии»). Он упомянул «docta Alemania» и ее главных философов, причем всех их раскритиковал, потому что они породили религиозный скептицизм, в то время как, по его утверждению, единственной по-настоящему истинной функцией философии должна быть защита религии. На тревожной ноте он обращался к государству, прося положить конец интеллектуальному хаосу и восстановить порядок.

Спустя четыре года, Мануэль Асенсьон Берсоса опубликовал в журнале *Revista de instrucción pública* несколько лекций по немецкой философии, которые прежде были им прочитаны в Атенее, наиболее значительной арене для интеллектуальных обсуждений в стране. После упоминания революционного значения мысли Канта, им высказывается безусловный протест: «Критика чистого разума произвольна в ее основе, ложна в ее методе, катастрофична в ее результатах»¹⁵.

Почти в это же время в Испании формировалось новое интеллектуальное движение. В 1843 году в Мадридском университете министром Педро Гомесом де ла Серна, экс-президентом университета, был создан первый факультет современной философии. Места профессора был удостоен Хулиан Санс дель Рио — на условии, что он проведет некоторое время в Германии, чтобы поближе познакомиться с идеологическим устройством многообещающей немецкой культуры. Санс дель Рио два года провел в Гейдельберге, где все еще действовала группа последователей Карла Христиана Краузе. Вернувшись в Испанию, он пытался применить идеи Краузе для модернизации страны. Его главный труд «Идеал человечества»¹⁶ немедленно был включен в католический индекс запрещенных книг.

В Испании XIX века крауизм стал наиболее значимым движением за реформы, породившим культурный поворот от Франции к Германии. Для культурного обмена между двумя странами, бывшего прежде минимальным, это означало серьезный подъем, так же как и для переводов, особенно переводов философской литературы. В ту пору, когда немецкий идеализм имел широкое влияние, казалось совершенно естественным вернуться к Германии в поиске философских моделей; впрочем,

15. Berzosa M. A. Lecciones de filosofía// Revista de instrucción pública. 1857. P. 286.

16. Sanz del Río J. El Ideal de la Humanidad para la vida. Madrid: Manuel Galiano, 1860.

сегодня представляется странным, что ведущей фигуре Канта оказался предпочтен Краузе. Но испанские католические либералы не были тогда подготовлены для принятия агностицизма Канта, и им хотелось сохранить глубоко укоренившееся религиозное чувство, несмотря на стремление модернизировать страну. Как следствие, через переводы и обучение быстро распространился крауизм, а не кантианство. Кант какое-то время оставался в тени, поносимый институциональной ортодоксией из лагеря традиционалистов и оттесненный на второй план соперничающей группой умеренных модернизаторов.

Впрочем, дело восприятия Канта не пришло к полному застою. Хосе Рей-и-Эредиа на основании кантианских идей написал книгу по математической теории «Трансцендентальная теория мнимых чисел»¹⁷, которая была посмертно опубликована в 1865 году. Книга в качестве приложения включает перевод нескольких страниц из «Критики чистого разума». В 1867-м Матиас Ньето Серрано, медик, открытый последователь Канта, опубликовал философскую работу «Набросок живой науки. Опыт философской энциклопедии»¹⁸, опирающуюся на кантианские идеи.

Распространение по Европе либеральных идей не приветствовалось ведущими консервативными силами. В 1864 году папа Пий IX опубликовал энциклику *Quanta Cura*, осуждающую либерализм как грех, и в Испании это имело политические последствия. В том же году против крауизма были приняты первые меры, и на следующий год книги крауистов были включены в индекс запрещенных книг. Вскоре после этого новый министр образования Мануэль де Оровьо, в целях упрочения связей церкви и государства, ввел более жесткие законы для наказания профессоров, которые преподают «ложные учения», и в 1867 году изгнал лидеров крауизма из университетов. Оровьо был поддержан консервативными интеллектуалами. Незадолго до этого изгнания Хосе Кампийо произнес речь на открытии академического года в университете Овьедо, в которой провозгласил, что «панентеистический германизм является антикатолическим и даже антихристианским, потому что он, не считая научной бессмысленности, есть пантеизм и атеизм»¹⁹. На Канта он ссылается как на родоначальника немецкого антихристианского рационалистического движения в целом.

17. *Rey y Heredia J.* Teoría transcendental de las cantidades imaginarias. Madrid: Imprenta Nacional, 1865.

18. *Nieto Serrano M.* Bosquejo de la ciencia viviente. Ensayo de enciclopedia filosófica. Madrid: Rojas y compañía, 1867.

19. *Campillo Rodriguez J.* Discurso en la solemne apertura del Curso Acadimico de 1866 a 1867 en la Universidad de Oviedo. Oviedo: Imp. y lit. de Brid, Regadera y Compañía, 1866. P. 8. URL: <http://www.filosofia.org/aut/001/1866cam.htm>.

Интертекстуальную отсылку к Канту можно обнаружить в работе Луиса Видарта Шуха «Сегодняшняя испанская философия. Библиографический обзор»²⁰. Он дает обзор гнетущей ситуации с испанской философией и упоминает хорошо известные слова заключительных страниц «Критики практического разума» Канта: «Zwei Dinge erfüllen das Gemüt mit immer neuer und zunehmenden Bewunderung, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir und das moralische Gesetz in mir»²¹. На испанском это выглядит следующим образом: «Dos cosas hay grandes en la naturaleza: el cielo estrellado sobre nuestras cabezas, y el sentimiento de deber en nuestros corazones»²². Оригинальный текст Канта помещает две эти вещи не в природе, но в *душе* (*Gemüt*) субъекта — и небо не над нашими головами, но надо *мною*, и моральный закон (не чувство долга) не в наших сердцах, но во *мне*. Все явные отсылки к современным «субъекту» (душа, я) и «моральному закону» переводились более традиционными испанскими словами («природа», «чувство долга», «голова», «сердце»). Видарт Шух передал кантианские идеи в одомашнивающей консервативной манере. Он действовал как страж режима и пытался подогнать современную философию Канта под идеологические ожидания главенствующей культуры, ограничивая радикальную антропоцентрическую позицию кантианской философии, для того чтобы предоставить достаточный простор традиционным религиозным идеям.

Давайте сопоставим этот перевод цитированного выше изречения с еще одним того же периода, осуществленным в 1874 году двумя либералами, Урбано Гонсалесом Серрано и Мануэлем де ла Ревильей, из книги под названием «Фундаментальная этика, или Моральная философия»: «Dos cosas me llenan siempre el alma de una admiración y de un respeto que renacen siempre y aumentan, a medida que la inteligencia se fija más en ellas: el cielo estrellado sobre nosotros y la ley moral en nuestro interior»²³. Мы

20. Schuch L. V. La filosofía española. Indicaciones bibliográficas. Madrid: Imprenta Europea, 1866. URL: <http://www.filosofia.org/aut/vid/1866fe.htm>.

21. «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (*Кант И.* Сочинения: В 8 т./Под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 562).

22. «Две вещи велики в природе: звездное небо над нашими головами, и чувство долга в наших сердцах» (*Schuch L. V.* Op. cit.).

23. «Две вещи всегда наполняют мне душу восхищением и уважением, которое всегда возрождается и увеличивается, чем больше разум останавливается на них: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас» (*Fey E.* Estudio documental de la filosofía en el bachillerato español (1807–1957). Madrid: CSIC, 1975).

видим, что эта редакция явно гораздо ближе к оригиналу и упор в ней сделан на социоантропологическое «мы», «наш». Этот перевод не ставил себе целью придерживаться традиционных слов и понятий, скорее его целью было дать применение идеям Канта в коллективной попытке изменить страну к лучшему.

Либеральная революция 1868 года и последующий демократический период (1868–1874) подразумевал возвращение либеральных профессоров в университеты. В этот период был введен гражданский брак и дозволены мягкие формы религиозной свободы. В этот республиканский период Никола Сальмерон — единственная ведущая интеллектуальная фигура. Этот крайний профессор писал о немецкой философии и ссылался на немецкий оригинал «Критики» Канта. Годом позже он провел пять месяцев в тюрьме из-за своего политического и культурного активизма (защиты свободного слова и критики католицизма). Позднее он стал членом парламента, а также шесть недель был президентом Первой республики, пока не подал в отставку, отказавшись санкционировать смертную казнь. В 1874 году, как раз к моменту, когда новая конституция собиралась провозгласить отделение церкви от государства, Первая республика была насильственно упразднена.

В 1875 году, после того как Республика потерпела крах и последовала Реставрация, Оровьо снова принял должность и тут же объявил, что ничто идущее против католицизма и добрых нравов не должно преподаваться, тем самым попирая академическую свободу. Некоторые профессора отказались внять приказам, и были уволены, некоторые были осуждены на тюремное заключение, а иные отправились в изгнание. Сальмерон также эмигрировал (причем его профессорское место было отдано схоластическому мыслителю Орти-и-Ларе), но молчать его не заставили. В 1876 году он написал пролог к «Истории столкновения между религией и наукой»²⁴ Джона Уильяма Дрейпера (переведенной Аугусто Арсимисом). Книга положила начало продолжительному спору, так как Сальмерон в качестве единственного способа продвинуть вперед гуманизм предложил запретить религию. На Канта Сальмерон ссылался не только для защиты радикального секуляризма, но, в дополнение к этому, считал Канта также ценным научным философом.

После неудавшейся Республики крайнизм потерял влияние. Наиболее прогрессивные интеллектуалы возложили вину за политический провал на темную метафизику и религиозный уклон

24. *Salmerón N. Prólogo*// Draper J.G. *Historia de los conflictos entre la religión y la ciencia*/A. T. Arcimis (Trans.). Madrid: Imprenta Aribau, 1876. URL: <http://www.filosofia.org/aut/dra/salmeron.htm>.

крауизма, который не мог обеспечить республике прочное интеллектуальное основание. Либеральный средний класс нуждался в новейших идеологических учениях и отворачивался от подобной религиозно настроенной метафизики. Многие принимали новые идеи позитивизма, дружественные науке. В литературе в те годы романтизм также был вытеснен натурализмом. Как следствие, запоздалое и довольно затянувшееся восприятие Канта в Испании получило толчок, и Кант занял более существенное место в идеологических дебатах. Проводя параллели с тем, что происходило в Германии с Когеном, Наторпом, Форлендером и Эдуардом Бернштейном, можно сказать, что неокантианство обрело силу посредством возобновления кантианской связи между общей системой взглядов, ориентированных на науку, и политическими идеями, ориентированными на общественную проблематику.

Все это отразилось в первых значимых переводах. Сначала в 1873 году появились «Метафизические основания права»²⁵, переведенные Г. Лисаррагой. В то время во Франции, Великобритании и Италии уже было переведено большинство работ Канта. В некоторых случаях было выпущено два перевода. В Испании в последнюю четверть столетия было переведено десять работ Канта. При нехватке германоязычных переводчиков и престиже французской культуры в Испании, нормой в этот период был перевод «из вторых рук» с французского языка. Самым плодовитым переводчиком Канта был Антонио Сосая (1859–1943), положивший начало «Biblioteca Económica Filosófica» и переведивший также Макиавелли, Декарта, Кондильяка, Вольтера и других современных философов в недорогих изданиях. После франкистского переворота, несмотря на свой пожилой возраст, он был вынужден покинуть страну, вскоре после чего умер.

Единственный прямой перевод этого периода, опубликованный Хосе Перохо в 1883 году (спустя 102 года после публикации оригинала), содержит почти половину «Критики». Родом из Испанской Кубы, Перохо получил степень доктора философии в Гейдельберге и стал самым страстным защитником неокантианства в Испании. Перохо не имел доступа к традиционным средствам информации, и для выражения своих идей ему надо было создавать новые издательские каналы. Для того чтобы распространять неокантианские и передовые идеи, он с помощью Мануэля де ла Ревиллы основал журнал *Revista Contemporánea* (1875–1907), пока финансовые затруднения не вынудили его продать журнал некоему традиционалистскому политику, который

25. Kant I. Principios metafísicos del derecho/G. Lizarraga (Trans.). Madrid: Victoriano Suarez, 1873.

изменил редакторскую линию в соответствии со своими убеждениями. Также, чтобы популяризовать современную философию и обеспечить более широкий культурный контекст для восприятия Канта, Перохо основал издательство, которое переводило Декарта, Спинозу, Вольтера, Дарвина, Спенсера и других запрещенных церковью авторов. Более того, он написал «Эссе об интеллектуальном движении в Германии»²⁶, первые семнадцать страниц которых были посвящены Канту. Эта и другие публикации без промедления попали под церковную цензуру в 1881 году.

К 1875 году Перохо уже перевел почти половину «Критики», но, как он объясняет во введении²⁷, перевод утаивался до 1883 года из-за неблагоприятной культурной и политической атмосферы Реставрации. Культурный ландшафт второй половины XIX века был задан так называемой Дискуссией об испанской науке (и философии). Неокантианцы Хосе Перохо и Мануэль де ла Ревилья отмечали, что Испания в предыдущие 300 лет имела блистательную литературу, но ничего не дала современной науке и философии в основном потому, что деспотизм и религиозная нетерпимость держали Испанию в изоляции. Перохо развил эти идеи в статье «Испанская наука при инквизиции»²⁸, которая была подвергнута церковной цензуре в 1881-м. Оба автора упоминали Канта вместе с немецкой философской революцией и выдвигали требование интеллектуальной свободы для того, чтобы изменить положение дел²⁹. В противоположность этому традиционалисты, возглавляемые Менендесом-и-Пелайей, гордились славной испанской традицией, неизбежно переплетающейся с католицизмом как объединяющим страну началом (на протяжении всего XIX века культурная и лингвистическая разнородность Испании считалась помехой для продвижения политического объединения страны). Новые идеи не нужны как таковые, переводов надо избегать, и да будет благословенна инквизиция. Менендес-и-Пелайо, возвысившийся до культурного героя при Франко, одну из своих работ посвятил Канту («Об истоках критицизма и скептицизма и особенно об испанских предшественниках Канта»³⁰). Его целью было доказать,

26. *Del Perojo J. Ensayos sobre el movimiento intelectual en Alemania. Madrid: Medina y Navarro, 1875.*

27. *Idem. Advertencia del traductor// Kant I. Critica de la razón pura. Barcelona: Folio, 2002 (1883). P. 9–12.*

28. *Idem. La ciencia española bajo la Inquisición// García Camarero Ern., García Camarero Ern. La polémica de la ciencia española. Madrid: Alianza, 1970 (1877). P. 269–307.*

29. *García Camarero Ern., García Camarero Ern. Op. cit. P. 307.*

30. *Menéndez y Pelayo M. De los orígenes del criticismo y del escepticismo, especialmente de los precursores españoles de Kant. Madrid: Ricardo Fe, 1891.*

что философия Канта не была по-настоящему оригинальной. Он утверждал, что испанские философы уже ввели похожие идеи в XVI веке, поэтому обращаться к иностранным философским учениям не было нужды. Последователь Менендеса-и-Пелайи, Орти-и-Лара, он внес в полемику свой вклад, определив Канта как главу всех протестантских философов, которые, будучи врагами науки и нравственности, должны быть запрещены³¹. Это националистски-католическое мышление было также поддержано посредством возрождения католической философии в рамках неосхоластической школы, лидером которой был кардинал Сеферино Гонсалес, один из наиболее крикливых критиков Канта. Несмотря на то, что им признавалось выдающееся место Канта в истории философии, он критиковал антихристианский, антикатолический и атеистический характер новой немецкой философии в целом и считал Канта ответственным за все заблуждения этого периода³².

Проблемы, обрисованные выше, вместе с холодным приемом книги в подобном окружении создали почву для того, что перевод Перохо так и не был закончен (а опубликованная часть не переиздавалась в Испании 100 лет). Тот факт, что «Критика» была включена в Индекс запрещенных книг и в 1881 году в него были добавлены и прежние работы Перохо, также должен был сыграть свою роль в отсрочивании публикации перевода. В конце концов Перохо решил опубликовать ту часть, которую он уже перевел, опуская «Диалектику чистого разума», которая содержала агностические идеи Канта. Как следствие, в Испании XIX века переводы философии Канта в основном были вторичными, они оставались незавершенными и фрагментарными и воспринимались во враждебном культурном окружении.

Теперь мы лучше понимаем таинственное «отсутствие» Канта в Испании, о котором сообщал Лютославский. Когда Лютославский в 1896 году разыскивал наследие Канта в Испании, Менендес-и-Пелайо просто дал ему неточную информацию касательно первого упоминания Канта в Испании, а Орти-и-Лара даже не захотел говорить о «греховном» авторе вроде Канта. Кроме того, краулист Никола Сальмерон не упомянул свои собственные отсылки к Канту или старания Перохо познакомить Испанию с неокантианством во время, когда неокантианство преуспевало в вытеснении краулизма, о чем мы уже говорили. Впрочем, Лютославский полностью не доверился сведениям, предоставленным его известными собеседниками, так как все же упо-

31. Fey E. Op. cit. P. 248.

32. González Z. Historia de la filosofía: En 3 vol. Madrid: Lopez/Araque, 1878–1879. Vol. 3. P. 487. URL: <http://www.filosofia.org/zgo/hf2/index.htm>.

минает несколько испанских переводов Канта, включая перевод Перохо, который, как надеялся Лютославский, будет завершен. Но непосредственно с Перохо Лютославский не беседовал. Не осознавая той практической истины о жизни теорий, что все дискурсивные практики утверждают себя посредством маргинализации и подавления соперничающих практик³³, он не задал самому себе вопроса, отчего ведущие испанские интеллектуалы как кантианского, так и краулистского лагерей, с которыми он говорил, умолчали о всей той работе, которая была сделана по переводу Канта и продвижению его идей.

ВЫВОДЫ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Итак, мы обнаружили существование тесной связи между восприятием и переводом. Сперва мы видим ссылки на *Мануэля* Канта, затем комментарии к Канту с переводами философских терминов и цитат, так же как и краткий неполный перевод 1865 года, и наконец — переводы книг: первые полные, хотя и «из вторых рук», переводы датируются 1873-м, первый прямой, но незавершенный перевод вышел из печати в 1883-м (в 1913-м появился первый полный и прямой перевод). Эта эволюция, сравнительно с тем, что имело место во Франции, Англии и Италии, отражает по большей части вторичное (через французский язык) и позднее восприятие Канта в Испании.

Весь процесс восприятия — это диахроническое преломление — можно понять как деятельность истолкования и передачи: в Испании, еще даже до того, как возникают собственно первые переводы, существуют различные текстуальные усилия по пониманию, интерпретации, адаптации и маргинализации кантианских понятий и идей. Восприятие и истолкование суть исторические процессы внутри той или иной наличной традиции, или *Erwartungshorizont*³⁴. Та традиция, в которой мы рождены, предоставляет нам возможность истолковывать нашу историческую ситуацию (*Horizontverschmelzung*), причем наше истолкование помогает нам развивать саму традицию (*Horizontweiterung*). Яусс применяет герменевтический круг Гадамера к пониманию истории литературы³⁵. Тем не менее из-за того, что традиция никогда не бывает нейтральным

33. Post R. C. *Censorship and Silencing. Practices of Cultural Regulation*. Toronto: Issues & Debates, 1998. P. 6.

34. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen: J. G. B. Mohr, 1960.

35. Jausс H. R. *Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft*. Konstanz: Universitätsverlag, 1967.

игровым полем, воззрения этих авторов на их собственную традицию в какой-то мере остаются некритичными. Принцип понимания некоего продукта культуры не может быть найден в пределах только его самого, независимо от условий его производства и воспроизводства. Мы понимаем друг друга посредством языка, но и язык — это также инструмент действия и власти. Делая акцент на роли восприятия, Яусс в своем седьмом тезисе допускает, что социальное изменение может быть вызвано литературой, однако вопрос о влиянии на восприятие литературы социальных условий обходится им стороной. Культурный продукт принимается не в нейтральной среде; его восприятие зависит от социальных условий, которыми определяется, какой дискурс будет приемлем, а какой неприемлем. Поэтому обращать внимание важно не только на тексты, но и на вовлеченных в целокупный процесс принятия/передачи агентов и в особенности на саму среду этого восприятия.

В «либеральных» обществах XIX века превентивная цензура (осуществлявшаяся посредством прав на печатание и списков запрещенных книг) трансформируется в цензуру репрессивную, в форме административных, политических и моральных санкций. От условий культурного производства фокус смещается на условия культурной рецепции³⁶. Работы Канта были включены в Индекс запрещенных книг, а его еретические идеи единодушно осуждались церковными и академическими деятелями на протяжении всего столетия. Большая часть из горстки либеральных покровителей Канта, усвоивших и распространявших его идеи, надеялась через продвижение демократии, секуляризма и равенства³⁷ изменить культурные и политические стандарты. Однако им различным образом препятствовали, мешали (через институциональных агентов, а также соперничающих умеренных модернизаторов), изгоняли с их академических постов и даже высылали из страны. Поскольку они были лишены пользования учрежденными информационными средствами, им также было нужно создавать их собственные альтернативные каналы для публикаций. По выражению Бурдьё, «в число самых действенных и наилучшим образом скрытых цензур попадают все те цензуры, которые состоят в том, чтобы вывести из коммуникации определенных агентов через исключение их из групп, которые говорят, или из мест, которые дают пра-

36. Sapiro G. Pour une approche sociologique des relations entre littérature et idéologie// CONTEXTES. 2007. № 2. URL: <http://contextes.revues.org/index165.html>.

37. Lefevre A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. London; NY: Routledge, 1992. P. 15.

во на властное слово»³⁸. Главенствующим силам Испании хотелось навязать специфические стандарты культуры и политики (монархия, католицизм). Они это и делали, не путем запрещения всех потенциально подрывных произведений культуры, но путем предотвращения продуктивного принятия иностранных передовых идей.

Поэтому для того, чтобы понять механизм, стоящий за процессом принятия/передачи, нам нужно расширить понятие цензуры. Это включает в себя переход от «властного» понимания цензуры к структурному или системному пониманию. Цензура вездесуща, пока есть коммуникация; она является конститутивной частью социальных, политических и культурных отношений. Цензура — это не только нисходящее административное регулирование социальной и культурной коммуникации, но и конститутивный аспект социальной и культурной сфер. Она вбирает «формы регуляции дискурса, которые влияют на то, что, кем, как и в каком контексте может быть сказано»³⁹. Помимо чрезмерно идеологически и политически репрессивной цензуры, которая налагает принудительный контроль, существует также всепроникающая цензура, присутствующая в, казалось бы, «нейтральных» культурных контекстах и налагающая всеобщий контроль главенствующего мировоззрения. В этом контексте особенно уместно понятие Бурдьё о *censure préalable*. Оно отсылает не к властной цензуре, а к лингвистически интернализированным социальным условиям культурного производства, созданным посредством символической власти и инкорпорированным в габитус⁴⁰ — ко второй природе из имплицитно контролирующих культурные практики диспозиций. «Эта структурная цензура осуществляется через посредничество санкций поля, функционирующего как рынок, на котором формируются цены различных типов выражения; она навязана всем производителям символических товаров [...], и обрекает тех, кто занимает подчиненное положение, либо на безмолвие, либо на шокирующую откровенность». Дверь открыта, но привратнику в «Перед законом» (1915) Кафки не нужно действовать, чтобы воспрепятствовать человеку войти в закон. «Цензура бывает как никогда совершенна или как никогда невидима, когда каждому агенту нечего сказать, кроме того, что он объективно

38. Bourdieu P. Language and Symbolic Power/G. Raymond, M. Adamson (Trans.). Cambridge: Harvard University Press, 1991. P. 138.

39. Müller B. Censorship and Cultural Regulation in the Modern Age. Amsterdam; NY: Rodopi, 2004. P. 1.

40. Бурдьё П. Практический смысл/Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко, отв. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 101–103.

уполномочен сказать: в этом случае ему не надо быть даже собственным цензором, потому что он, в известном смысле, цензурирован раз и навсегда»⁴¹.

В нашем случае посредством символического принуждения, которым навязывался господствующий национал-католический дискурс и из публичной сферы исключались иностранные, современные, секулярные идеи, действовал некий род структурной превентивной цензуры. Как следствие, социо-интеллектуальное влияние кантианских идей было в Испании минимальным. Переводы были малочисленны (в глазах главенствующих сил перевод современной европейской философии не являлся легитимной культурной деятельностью), вторичны и фрагментарны (в Испании в XIX веке не было опубликовано ни одной монографии по Канту). Более того, публичное присутствие Канта было маргинальным. Системная цензура функционировала в основном на предварительном уровне нормы⁴²; гораздо чаще «пропадали» целые произведения, чем происходила обработка частей текстов на случай издания. К тому же была затруднена артикуляция альтернативных дискурсов. Перохо пытался изменить главенствующие социальные и культурные условия посредством ознакомления Испании с мыслью Канта, но барьеры, на которые он наткнулся, принудили его отказаться от осуществления своих интеллектуальных целей. Эпистемический бунт Перохо остался культурно и политически безрезультатным, поскольку солдат не отдает приказов капитану. Способность артикулировать легитимный дискурс зависит от позиции говорящего в «поле», от его или ее символического капитала, а Перохо был всего только маргинализированным критиком главенствующего мировоззрения. В результате разочарования, связанного с восприятием и воздействием его перевода «Критики» в Испании, Перохо мало написал по философии и не перевел никаких других трудов, сосредотачивая вместо этого свои усилия на образовании и анализе ситуации с колониями (в 1898 году Испания «потеряла» Кубу).

Впрочем, «[гегемония] не существует лишь пассивно как форма господства. Она должна непрерывно возобновляться, воссоздаваться, защищаться и модифицироваться. Ей также непрерывно сопротивляются, ее ограничивают, изменяют, бросают вызов совершенно сторонние силы»⁴³. Позднее, в следующем столетии, когда Кант и зарубежные секулярные и прогрессив-

41. Bourdieu P. Op. cit. P. 138.

42. Toury G. Descriptive Translation Studies and beyond. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 58.

43. Williams R. Marxism and Literature. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 112.

ные идеи в общем-то обрели силу, когда светский философский дискурс получил символический капитал и низверг религиозный дискурс с его господствующего места (в 1928 и 1934 годах были сделаны два больших перевода «Критики»), гегемония была, по крайней мере временно, подорвана. Либеральный средний класс и народ опрокинули монархию и изгнали церковь из образовательной системы во Второй республике. Тем не менее, для того чтобы вернуть власть, национал-католические консервативные силы обратились к военным. Будучи у власти, они насильно захлопнули ворота, и привратники стали активно преследовать всякого, кто пытался войти в Закон⁴⁴. Многие из переведенного в условиях последовавшей за тем жесткой цензуры, испанцы читают и изучают до сих пор.

Перевод с английского Максима Дондуковского

44. *Uribarri I.* Filosofía, traducción y censura// *Represura*. Marzo 2009. № 6. URL: http://www.represura.es/represura_6_marzo_2009_articulo2.html.